

Дело Хайдеггера

Доктор философии Маркус Бирих, возглавляющий всемирно известную фирму «Бош» (вычислительная техника, станки, инструменты и т. д.), по инициативе которого объединение промышленников, финансирующих науку, пригласило меня прошлой осенью в Штутгарт для доклада о Канте, вручил мне на прощание тоненькую книжицу — Мартин Хайдеггер «Полевая дорога»:

— Прочтите на досуге, вам должно понравиться.

Я не знал этой миниатюры, так резко отличающейся от всего, чем известен Хайдеггер — самый трудный для понимания немецкий философ, создающий немислимые языковые конструкции, раздражающе замысловато играющий словами, поражающий парадоксами. Я не успокоился, пока не перевел «Полевую дорогу» на русский язык. И разговор о «деле Хайдеггера», поднятый французскими журналистами, мне представляется уместным начать с этого стихотворения в прозе.

Полевая дорога

«Уходит она от садовых ворот к Энриду. Древние липы смотрят ей вслед сквозь ограду, будь то пасхальное утро, все в зелени всходов, или рождественский вечер, засыпавший снегом поля, Мимо распятия она погибает к лесу. Здесь встречает ее развесистый дуб, накрывший ветвями грубо сколоченную скамью.

Порою лежали на ней творенья великих умов, будораживших юную душу. И если сил не хватало постичь гнетущие тайны, выручала дорога. Ибо она уводила вперед, в просторы суровой земли.

Снова и снова движется мысль — в написанном слове или рожденная нами — той же стезею, что полевая дорога. Шаг мыслителя, чем отличается он от того, как идет по росе на покос поселанин?

С годами все чаще влечет к себе дуб: в нем память о детстве. Срубленный в чаще, он достался отцу для столярной работы. В своей мастерской тот трудился усердно в минуты, когда был свободен от службы на башне, где били часы, напоминая о том, что время идет и мы бранны.

Щепки шли детям, из них мастерили они корабли и пускали их в пруд или школьный бассейн. Как близка была плаванья цель и как скор был возврат к родным берегам. Царство снов и мечты скрывалось за каждым предметом. Руки матери, взоры ее ограждали весь мир и хранили его. А безбрежные странствия были еще впереди. Между тем прочность дуба и запах его нас учили: живет только то, что растет, что приносит плоды, что тянется к небу и чьи корни в землю зарылись; расцветает лишь тот, кто владеет и тем, и другим, кто видит высокое небо и кто твердо стоит на земле.

Полевая дорога знает об этом от дуба. Много знает она, но путнику шепчет лишь то, что тревожит его. Поля и луга обступают ее, каждый раз по-иному. И, однако, все остается таким, как было всегда: те же Альпы встают над лесами, те же трели свистит соловей по утрам, там, где дорога уходит в холмы, тот же запах родной струится из мест, откуда мать моя родом, тот же лесник тащит хворост к огню для ночлега, та же телега увозит зерно по дороге, те же дети срывают цветы на опушке, тот же туман застигает луга.

Простота — вот извечная тайна величья. Человеку присуща она. И незримо встает перед ним неизменного образ. Неизреченное слово нас учит: мир источает все то же богатство. Как некогда старый мудрец Майстер Экхарт сказал: до Бога был Бог.

Голос дороги слышен, пока живы люди, рожденные здесь. Они — крепостные окрестности, но не рабы обстоятельств. Напрасно люди стремятся устроить на свете новый порядок, не обращая внимания на голос дороги. И вот возникает опасность, что нынешним голос дороги станет невнятен. Шум своих аппаратов они принимают за откровение Бога. Так теряются все ориентиры. А растерявшим их простота недоступна. Они видят в ней лишь монотонность и злятся. Злым же на все

наплевать. Простота улетучилась. Пропала тихая сила ее. Все меньше и меньше становится тех, кто умеет ценить простоту. Но эти немногие да пребудут вовеки. Именно им суждено совладать с чудовищной силой атомной бомбы, что на горе себе создали люди умением считать.

Голос дороги пробуждает чувство свободы и предельную ясность, разгоняя печаль. Не допускает он гнета никчемной работы, что сама себе цель, а потому — пустота.

Мудрая ясность благоухает в любую погоду и заметна даже за хмурой миной лица. Эту ясную мудрость в наших местах именуют по-своему. Кто лишен ее, тот проиграл. А рождает ее полевая дорога. В зимнюю стужу и в полуденный зной урожайного дня, весной и в осеннюю пору сходятся здесь игра и жизненный опыт, старые годы и юные дни. И шумные отзвуки встречи поглощает дорога.

Мудрая ясность — врата в бесконечность. чьи петли сковали умелые руки из тайн бытия.

От Энрида дорога идет назад к садовым воротам. Перевалив последний бугор, узкой лентой ложится она у стен городских. Светится тускло в мерцании звезд. А за дворцом видна уже башня святого Мартина. Не спеша бьют городские часы. Старый колокол, о канаты которого натирали мозоли детские руки, дрожит от ударов. Такое врезается в память.

С последним ударом тишина становится тише. Она достигает и тех, кто пал жертвою времени в битвах двух войн. Простота становится проще. Но разве все тут застыло? Голос дороги нельзя не услышать. Ты слышишь ведь душу? Слышишь мир? Слышишь Бога?

Отрекись от застывшего. Отказ — не потеря. Отказ одаряет. Он дает неизбывную силу простого. А голос дороги зовет в родные места, где дом и где предки».

Для понимания «Полевой дороги» важно иметь в виду следующее: в 1950 году Хайдеггер собрал ряд своих статей и выпустил в книге под названием «Дебри» (я не знаю, как лучше перевести слово «Holzwege», буквально означающее «лесовозные дороги», а в переносном смысле — «ложные пути»). Сборнику было предпослано несколько многозначительных строк:

«В лесу есть дороги, которые вдруг упираются в непроходимую чащу.

Мы говорим: это дебри.

Каждый путь пропадает по-своему, но все в том же лесу. Мнится порой, что схожи они меж собою. Но так только мнится.

Дровосек и лесник знают дороги, ведущие в дебри. Им известно, что значит по этим дорогам идти».

Появившаяся в 1953 году «Полевая дорога» представляет собой как бы эпилог к сборнику «Дебри». И к собственным блужданиям. Путь Хайдеггера был непрост, извилист, опасен, возникали перед ним и непроходимые дебри, и засасывающая трясина, и зловещие бездны. Идея ложного пути владела умом философа. Но вот он снова в чистом поле, где легко дышится и чист горизонт. «Полевая дорога» — не только эпилог, но и пролог, путь к новым пластам мировой культуры, которые вдруг обнажились повсюду, в том числе и в нашей стране. У нас возникла «деревенская проза», на Западе — «постсовременность», о которой ниже пойдет речь. Пока назову только одно имя — Петера Хандке, германоязычного прозаика, наиболее чувствительного к современным духовным процессам, и только одну его вещь — «Путями Деревни» (заголовок выразительно указывает направление движения).

Мартин Хайдеггер — последний представитель великой философии, взращенный на немецкой земле. Он велик как теоретик культуры, оказавшейся перед лицом катастрофы. Стрелка на циферблате истории подошла к двенадцати, как бы отодвинуть ее назад? Образ исполненного времени владеет сегодня умами ученых и политиков. Философ давно задумался над этим. И сказал: пора вернуться к истокам, к изначально простым устоям человеческой жизни, вырваться из тупика, в который завела человечество технически-рациональная мысль.

Подобная интерпретация может кому-то показаться неадекватной. Что ж, чем крупнее мыслитель, тем шире круг возникающих при его изучении истолкований. Ленин, например, читал Гегеля материалистически, и такое творческое отношение к тексту является для нас, марксистов, образцом. Почему бы и нам не взглянуть на Хайдеггера через стекла здравого смысла, озабоченного сегодня судьбами цивилизации?

Смерть и время царят на земле,

— сказал русский философ-поэт Владимир Соловьев еще в прошлом веке. В наши дни аналогичная мысль была выражена несколько в иной тональности:

Мы временные жители земли,
А потому цените, люди, время.

Поэтическая и философская мысль издавна пыталась проникнуть в тайны бытия культуры, увидеть связь его с существованием смертных людей, их заботами и страстями, личным миром души и субъективным переживанием времени, то несущимся с ослепительной быстротой, то ползущим мучительно долго, и за всем этим калейдоскопом «бытующего» обнаружить нечто нетленное, пребывающее во веки веков. Таков примерный круг интуиций, рассмотренных в главном труде Хайдеггера «Бытие и время», написанном в поэтически изоциренной, чудовищно непонятной манере.

Книга появилась в 1927 году. Вскоре на «молодого немецкого философа, ставящего время в основу своей философии», обратил внимание В. И. Вернадский. Создатель учения о ноосфере писал: «Для Хайдеггера человек есть историческое существо, то есть по существу для его сознания основой является время... Время может изучаться и путем сознания».

«Бытие и время» оказало существенное воздействие на судьбы не только философии в XX веке, но и других дисциплин, изучающих жизнь сознания. Книга переведена на основные языки мира, включая китайский. Будем надеяться, что и русское издание не за горами.

Ну, а как нам быть с нацистским прошлым Хайдеггера? На вопрос отвечу вопросом. Как нам быть с близостью к Сталину многих деятелей не только отечественной, но и зарубежной культуры? Не стану развивать эту тему, приведу пример из смежной области. Густав Грюндгенс, знаменитый режиссер, занимал высокие посты при Гитлере, пользовался особым расположением Геринга и Геббельса. После краха фашизма был арестован советскими оккупационными властями, но за отсутствием состава преступления освобожден и мог беспрепятственно продолжать свою деятельность. Трудно найти в наши дни абсолютно «правильного», политически безупречного человека. Весь вопрос в размере ошибок.

Да. Хайдеггер состоял членом НСДАП и, как доказал Виктор Фариас, исправно платил членские взносы. Да, иные высказывания его и поступки того времени выглядят не лучшим образом. Совершил ли он преступления против человечества или просто уголовно наказуемые деяния? Нет, не совершил. Тогда встает, как справедливо отмечают три журналиста, главный вопрос: существует ли связь между философскими взглядами Хайдеггера и нацизмом? Статья в журнале «Лир» не содержит ответа. В другой журналистской статье (гамбургская газета «Ди цайт» от 6 ноября 1987 г.) В. ван Россум ставит знак равенства между учением Хайдеггера о «бытии бытующего» и фашистским подавлением личности: «Структурно философия Хайдеггера соприкасается с национал-социализмом в этом пункте, который является определяющим для тоталитаризма отказ от индивидуальности».

Однако почему опирались на Хайдеггера французские экзистенциалисты, боровшиеся с фашизмом и утверждавшие безусловный примат личности? И еще

вопрос: почему на Хайдеггера молятся современные «постмодернистские» теоретики Дерида¹, Лакан, Фуко и др. (все — антифашисты)? «Дело Хайдеггера» — дело рук журналистов, падких на сенсацию, философы здесь ни при чем. Хайдеггер прочитывается ими по-журналистски бойко, но поверхностно. Кое-что в предъявленных ему обвинениях звучит просто как сплетня.

Кто, знающий тексты Хайдеггера, посмеет приписать ему апологию тоталитаризма? Философ неизменно выступал против обезличенного существования человека, которое он обозначил не переводимым на русский язык местоимением *man*² (все вместе и никто в отдельности).

Петер Слотердаjk в книге «Критика цинического разума» назвал Хайдеггера в числе трех мыслителей, подметивших различные стороны фашистского тоталитаризма (два Других — Достоевский и Гёте). Великий инквизитор в «Братьях Карамазовых» — прообраз руководящего циника, уверенно манипулирующего послушной массой. Гётевский Мефистофель — необходимое подспорье диктатуры, техник-исполнитель, предоставляющий власти свое уменье и свои знания. А хайдеггеровское *man* — обезличенная масса оболваненных манекенов, послушно следующая за «фюрером». Всё вместе дает чудовищную машину фашизма. Причем Хайдеггер указал и на ту присущую человеку внутреннюю силу, которая противится безликости, заставляет быть самим собой, а не послушным орудием в чужих руках, — «голос совести».

Сартр и Камю были в восторге от Хайдеггера. Последний, правда, не жаловал их и экзистенциалистом себя не считал. Он даже выступил с критикой «философии существования», отвергая ее субъективизм. Последнее обстоятельство и дезориентирует журналистов, утверждающих, что письмо Хайдеггера, направленное Ж. Бофре и опубликованное в 1947 году под названием «О гуманизме», представляет собой якобы нечто антигуманное. Но Хайдеггер в этой работе отвергает не только субъективизм («бессилие частного»), но и его противоположность, нивелировку личности («совращение публичностью»).

Хайдеггер выступает против национализма («эгоизма народов») и против национальной обезличенности. Он настаивает: «Слово «немецкое» сказано не миру, чтобы он процветал как немецкая сущность, это слово сказано немцам, чтобы они из судьбоносной причастности к другим народам вместе с ними приобрели всемирно-историческое значение».

Отвергая крайности. Хайдеггер не дает, однако, четкого решения поставленных проблем. Он вообще силен в критике, но не в позитивных своих установках, которые у него всегда зыбки, двусмысленны, расплывчаты. Меня удручает его нарочито непонятная манера выражаться, рассчитанная на яростный спор восторженных адептов, каждый из которых по-своему толкует учителя. В этом есть какое-то интеллектуальное кокетство, недостойное истинного мудреца. Я не поклонник Хайдеггера.

Я не могу принять и даже понять отречение Хайдеггера от всей западной философии. Ошибки человечества в XX веке он принимает за ложный путь всей культуры. Хайдеггер намерен преодолеть «метафизику», то есть всю рационалистическую философию, как она сложилась после Платона. (При том, что сам он великолепно знает эту философию, его историко-философские труды глубоки и обстоятельны.) Что же утверждает Хайдеггер? Х.-П. Хемпель в книге «Хайдеггер и дзэн» (1986) полагает, что идеал философа следует искать в буддизме. Сам гуру на этот счет, как и полагается, высказался противоречиво.

Сейчас на Западе получили распространение две духовные тенденции, прямо противоположные по устремлениям, но одинаково пытающиеся опереться на Хайдеггера и обозначаемые одним словом *postmoderne*. Слово можно перевести на русский двояко, и это надо сделать, дабы не запутаться в том, что при этом имеется в

¹ Написание имени сохранено как в первоисточнике (прим. составителя)

² Написание *,man* с маленькой буквы сохранено как в первоисточнике (прим. составителя).

виду, — «постмодернизм» и «постсовременность». Оба эти термина употреблены мной выше.

«Постмодернизмом» надлежит назвать разновидность модернистского изобразительного искусства, которое, став беспредметным, забрело в тупик, из которого пока никак не может выбраться. Предмет отыскивается ныне не в пределах художественного творчества, а за его границами: утверждается, что любой предмет уже есть искусство, рубежа между жизнью и искусством нет, они сливаются. Философское обоснование такого подхода к творчеству — утверждение безграничного плюрализма: «Все годится!» Истина — это целое, сказал когда-то Гегель, у постмодернистов наоборот: целое — ложь, поэтому война целому! Хайдеггер только бы посмеялся над всем этим: без идеи целого нет художественного произведения.

Ближе к Хайдеггеру другая тенденция, которую следует обозначить как «постсовременность». Современность означает некое противостояние несовременному, устаревшему, прошедшему. Прошлое при этом рассматривается как предпосылка настоящего, как низшая ступень, «снятая» последующим развитием. Постсовременность отличается от современности тем, что видит в прошлом не просто предпосылку, но свою неотъемлемую часть, это слияние того, что есть, и того, что было. «Бытие и время» содержит парадоксальную мысль, что будущее, настоящее и прошлое тождественны. Эта мысль Хайдеггера абсурдна в отношении физического времени, но весьма содержательна в отношении времени культурно-исторического.

Сегодняшняя постсовременная архитектура на Западе старается использовать достижения всех прошлых эпох. Хорошо это или плохо — вопрос особый, но стремление преодолеть унылый рационализм «современного» зодчества налицо. В домах-«коробках» люди не хотят жить, сносятся благоустроенные кварталы, некогда премированные в качестве образцовых; на их месте возводятся здания, отвечающие не только всем требованиям благоустройства, но и удовлетворяющие тяге к зрелищности. В ход идут приемы всех архитектурных стилей прошлого.

Понятие современности — завоевание Нового времени как эпохи, противопоставившей себя предшествующим периодам развития общества. Именно тогда возник историзм — требование рассматривать явление в конкретных условиях его возникновения и в свете общего движения вперед. Осознание настоящего как постсовременности возникло в наши дни, оно предполагает не отмену, а углубление принципа историзма. Причинное объяснение остается, но оно дополняется непосредственным соотнесением достигнутого в прошлом результата с нынешней ситуацией, признанием эталонного, образцового характера этого результата.

Наиболее яркий пример «сверхисторизма» и постсовременности — судьба философии. Кант, отмечая безграничный прогресс научного знания, вместе с тем признавал возможность полного изложения философских истин. Наука в наши дни развивается взрывоподобно, чего не скажешь о философии, и это не вина и даже не беда философии — это ее судьба. Сегодня философия может существовать только как история философии. Поэтому прав Хайдеггер, призывающий нас обратить взоры к прошлому, к традиции. Нельзя согласиться лишь с требованием вернуться к доплатоновской мудрости. Классика — для нас эталон.

Поэтому наивно звучит вопрос, поставленный на страницах журнала «Лир»: «Можно ли еще верить философам?» Кому же верить тогда? Политические провинности того или иного мудреца не могут скомпрометировать мудрость как таковую. И однобокость того или иного учения не причина для уныния. Истина — это целое, повторю сказанное выше. И верить надо не отдельным философам, а философии в целом и изучать ее. Верить надо великим моралистам и диалектикам — Платону и Аристотелю, Декарту и Спинозе, Канту и Гегелю, Федорову и Владимиру Соловьеву. В каждом из них воплотилась та или иная сторона истины, и все они нам нужны сегодня, как воздух. Человечеству определено жить. А «кто хочет выжить, должен философствовать». Есть и такой, не знаю кем высказанный, но удивительно современный афоризм. По «делу Хайдеггера» история уже вынесла оправдательный

приговор с частным определением о необходимости глубокого изучения его философского наследства.

А.В. Гулыга

Дело Хайдеггера

Печатается по: Гулыга А.В. Дело Хайдеггера. Литературная газета, 30 ноября 1988 г. № 48 (5218). С. 15.

Гулыга Арсений Владимирович (1921-1996) — доктор философских наук. Член Союза писателей СССР. Философ, историк философии, литературовед, специалист по истории русской и немецкой философии, эстетике. Один из инициаторов создания серии «Философское наследие».

Соч.: Из истории немецкого материализма. М., 1962; Гердер. М. 1963; Гегель. М., 1970; Эстетика истории. М., 1974; Кант. М.. 1977; Искусство в век науки. М., 1978; Шеллинг. М., 1982; Немецкая классическая философия, М., 1986; Что такое эстетика. М., 1987; Путиами Фауста. М., 1987; Уроки классики и современность. М., 1990; Русская идея и ее творцы. М., 1995.